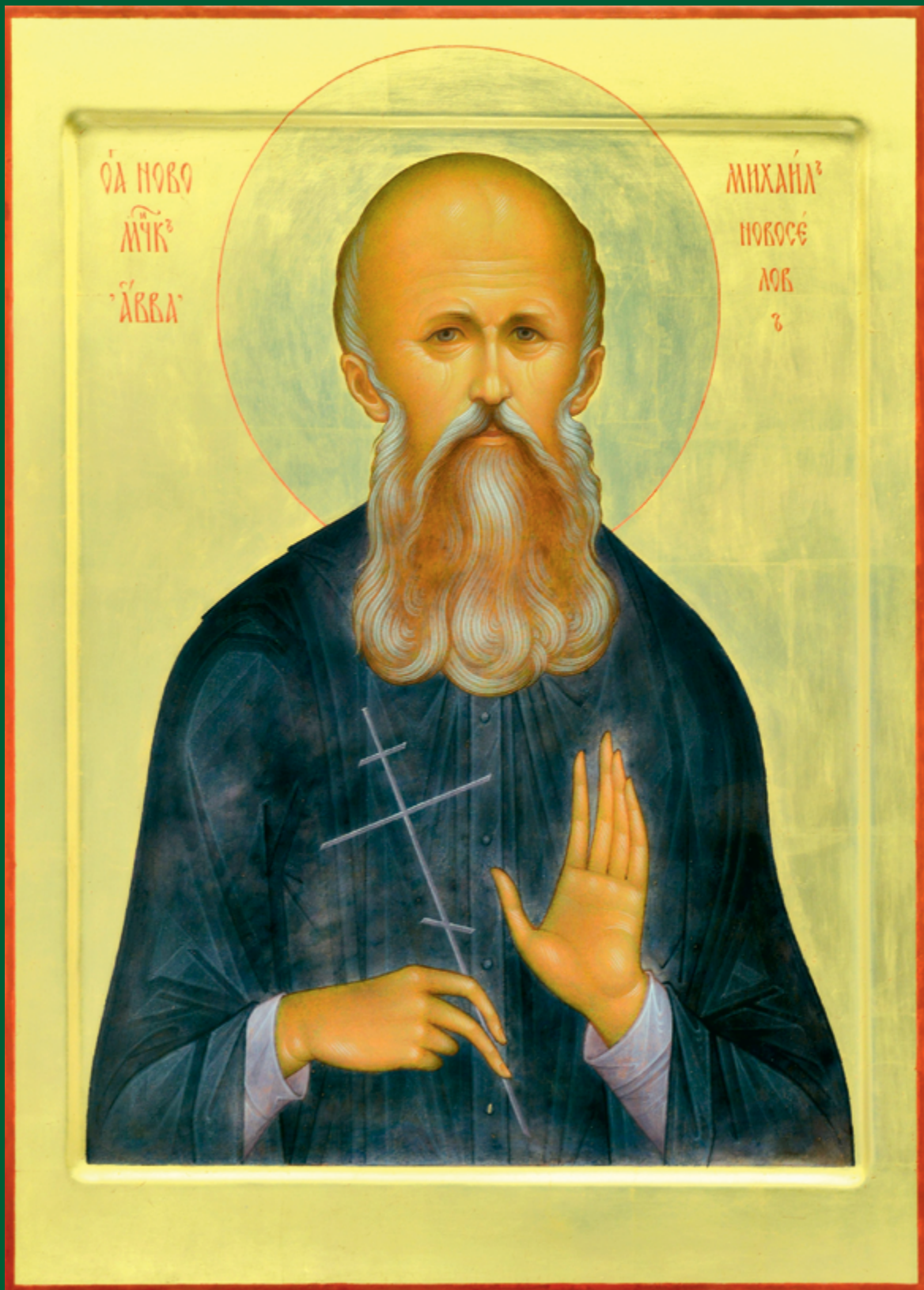

Святой мученик Михаил Новоселов

БЛАЖЕН, КТО НЕ ОТСТУПИТ ОТ ХРИСТА СРЕДИ ТЯЖКИХ ИСКУШЕНИЙ, ПОСТИГАЮЩИХ ЦЕРКОВЬ, ВООДУШЕВЛЯЯСЬ УЧАСТИЕМ В ЕЕ ВСЕМИРНОМ ТОРЖЕСТВЕ, ИМЕЮЩЕМ ОТКРЫТЬСЯ ПО СКОНЧАНИИ МИРА

В годы притеснений и гонений, начавшиеся с установления советской власти в 1917 году, не только священники, но и многие миряне без колебаний встали на защиту Церкви, Первосвятителем которой стал святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России. Одним из таких подвижников был русский публицист и духовный писатель Михаил Александрович Новоселов. В начале 1918 года не без его участия вышло воззвание — листовка, призывающая верующих защищать храмы от посягательств. Новоселов до последнего дня своей жизни трудился на ниве духовного просвещения, предоставив свою квартиру для занятий Богословских курсов, открывшихся весной 1918 года с благословения святителя Тихона. О жизни святого Михаила, его подвиге и духовном наследии — в статье настоятеля храма Покрова Пресвятой Богородицы в Красном Селе, доцента Московской духовной академии протоиерея **Валентина АСМУСА**.

В этом году исполнилось 160 лет со дня рождения новомученика Михаила Александровича Новоселова (01.07.1864–20.01.1938). Подвигу его мученичества предшествовали десятилетия подвига проповеди в миру. Не будучи священником или профессиональным богословом, он проповедовал не с амвона и не с академической кафедры, не со страниц официальных церковных изданий, но как частное лицо, издатель книг и автор газетных статей. Обращено было его слово к тем в первую очередь, кто стоит «около церковных стен», к «расцерковленным», колеблющимся или же откровенно и существенно отошедшим от веры и Церкви. Но путь святого Михаила к этому служению был долог и непрост.

Родился Михаил Александрович Новоселов в семье, корни которой уходили в духовное сословие: оба его деда были священниками. Но отец Михаила Александровича Александр Григорьевич избрал светский путь, став по окончании С.-Петербургского университета педагогом, директором тульской, а затем 4-й московской классической гимназии, которую и окончил с золотой медалью Михаил Александрович. После гимназии он продолжил классическое образование на историко-

филологическом факультете Московского университета. В студенческие годы М. А. Новоселов становится деятельным последователем Л. Н. Толстого, работает в толстовском издательстве «Посредник», помогает Л. Н. Толстому в переводе Евангелия. В конце 1887 года на квартире Новоселова в Москве был обыск, нашли стихи из народовольческого издания и статью Л. Н. Толстого о Николае I «Николай Палкин», которую Новоселов распространял, и он был арестован. Он мог быть сослан в Сибирь. Толстой сам явился к жандармскому генералу хлопотать за арестованного и заявил, что за статью должен отвечать ее автор. Генерал ответил писателю: «Граф, слава ваша слишком велика, чтобы наши тюрьмы могли ее вместить». В такой светской форме была выражена мысль о политической невозможности личных гонений на Толстого. Правда, в далеком 1862 году при либеральнейшем Александре II из Толстого едва не сделали «мученика»: в его имении Ясная Поляна был произведен обыск, растянувшийся на два дня. Толстого при этом не было, но, когда он узнал, чуть не умер от ярости. Александр III твердо держался установки «не делать из Толстого мученика» и передал это Николаю II. Святой

Студент Михаил Александрович Новоселов. Фото сделано в фотоателье П. Павлова, Москва. Конец XIX — начало XX в.

праведный Иоанн Кронштадтский обвинял сего государя даже в «маловерии» — именно за то, что Николай II не хотел отправить Толстого в Сибирь.

Уже в начале 1888 года Новоселов освобожден под гласный надзор полиции и без права проживания в столицах. Молодой идеалист, увлеченный толстовским учением, Новоселов думал о практическом осуществлении своих убеждений. Желая посвятить себя служению страждущему человечеству, он хотел получить профессию врача. Но этому решительно воспротивился его отец, который хотел видеть своего сына преподавателем древних языков. А когда отец умер, Михаилу Александровичу пришла мысль воспользоваться полученным небольшим наследством для организации земледельческой коммуны. Еще не начав осуществление этого плана, он в письмах обращается к Толстому с горькими упреками в том, что, провозглашая свою доктрину, сам учитель не следует этому учению в своей жизни. Это была дерзкая и самонадеянная выходка — попытаться втиснуть писателя с мировым кругозором в тесную сектантскую «келью под елью». Но снедаемый противоре-

чиями Толстой и сам упрекал себя за свою непоследовательность: первую попытку ухода он сделал еще в 1884 году. Словами из письма Новоселова «Не могу молчать» он впоследствии озаглавил одну свою статью.

Обсуждая с единомышленниками планы создания сельскохозяйственных коммун, Новоселов участвовал в решении вопросов, должна ли это быть одна большая община, или целесообразнее устроить маленькие общины на обширных пространствах, чтобы «свет светил во тьме» во многих местах. Так возникло движение, одним из инициаторов которого явился Новоселов. Это «новое хождение в народ» не с идеями революционной агитации и пропаганды, но с совсем другой целью — влиться в жизнь народа, очиститься от всего, что духовно и нравственно отравляет жизнь высших сословий. Это движение не удалось. Средняя продолжительность жизни коммуны составила два года. Начиналось все хорошо: молодой энтузиазм, гордое сознание великой миссии, любознательное знакомство с совершенно иным образом жизни. Но потом начиналась усталость от тяжелой работы, к которой молодые толстовцы не были приучены с детства, разочарование в своих способностях: хозяйства были малопродуктивными, скука, личные распри, легко возникавшие в общинах, вдохновлявшихся безблагодатным толстовским учением. Все заканчивалось распадом общины. Толстой поначалу следил за развитием общинного движения со сдержанным доброжелательством, ободрял общинников в их трудностях. Но итоговая оценка его была негативной: Толстой признал создание элитарных общин-«церквей» морально вредным. «Общиной христианина должен быть весь мир» — таково было его заключение. Годы спустя, во время голода 1891–1892 годов в Рязанской губернии, участники распавшихся общин объединились вокруг Толстого для помощи голодающим. Но толстовство как новое религиозное движение переживало кризис. Некоторые толстовцы отходили от новой «религии». М. А. Новоселов в напряженном искании Христовой истины шел по пути возвращения в Церковь. Он знакомится со святым праведным отцом Иоанном Кронштадтским, старцами Оптиной и Зосимовой

пустыней, с философом В. С. Соловьевым. По свидетельству самого Новоселова, его примирил и соединил с Церковью старец преподобный Алексий (Соловьев, † 1928), иеросхимонах Зосимовой пустыни. В отличие от всех названных лиц, высказывавшихся о Л. Н. Толстом резко негативно, Новоселов после своего возвращения в Церковь избегал таких оценок; признавая толстовство «однобоким», он оставался благодарен Толстому за уроки христианской морали, которые были нужны и ему, и многим другим. В самом конце жизни Толстому попали в руки брошюры «Религиозно-философской библиотеки» (РФБ), издававшейся Новоселовым. Они понравились Толстому, и он через своего помощника Д. Маковицкого сообщил Новоселову, что хотел бы иметь эту «Библиотеку» в возможно полном составе. Исторические обстоятельства позволили издавать «Библиотеку» 15 лет (1902–1917). За эти годы вышло 39 ее выпусков. Некоторые из них выходили второй или даже третий раз в дополненном виде. Сам Новоселов был автором только некоторой их части. В одном выпуске могли помещаться выдержки из творений самых разных авторов: архиепископ Сергей (Страгородский) и преподобный Симеон Новый Богослов в выпуске 3 (изд. 3. М., 1917); или выпуск 2 «Искание Бога» — Огюст Никола (католический апологет), граф М. М. Сперанский, епископ Игнатий (Брянчанинов), К. Ф. Рылеев (декабрист) и др. Или еще выпуск 4 «Социальное значение религии и религиозной личности»: В. С. Соловьев, С. М. Соловьев (историк), Ф. М. Достоевский, С. В. Ешевский, Л. А. Тихомиров, А. И. Герцен. Среди авторов, чьи творения вошли в выпуски РФБ, — святитель Иоанн Тобольский (выпуск 38, явившийся положительным откликом на дискутировавшуюся канонизацию святителя Иоанна), святитель Филарет Московский, святитель Феофан Затворник, преподобный Серафим Саровский, архиепископ Никанор (Бровкович), архиепископ Антоний (Храповицкий). Видное место занимали и славянофилы — А. С. Хомяков, К. и И. Аксаковы, Ф. Самарин. Если о иезуитах пишет Ю. Ф. Самарин (выпуск 36), то католический догмат папской безошибочности опровергают католики епископ Штротсмайер и Дёллин-

гер (выпуск 34). Среди авторов присутствуют и профессора духовных академий В. И. Несмелов, В. Д. Кудрявцев-Платонов, А. Ф. Гусев, В. Н. Карпов, А. М. Иванцов-Платонов. Чтобы перечислить еще не названных, упомянем Владимира Мономаха, Б. Паскаля, Я. А. Коменского, К. П. Победоносцева, Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского, Джона Месона, В. А. Кожевникова, И. И. Козлова, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского. Кроме серийной РФБ издан ряд книг, не вошедших в серию по формату или по тематике (слишком специальные исследования частных вопросов, тогда как РФБ говорит о *едином на потребу* — Лк. 10, 42). Этих книг и брошюр под грифом «Издания “Религиозно-философской библиотеки”» вышло 26. Новоселов издавал также «Листки РФБ», имевшие две серии: более общедоступную «Семена Царствия Божия», где помещались выдержки из творений святых отцов, и «Русская религиозная мысль» с высказываниями русских писателей и ученых; вышло более 80 «Листков». Все эти многочисленные издания расходились по всей России и читались множеством людей. Церковное учебное ведомство почтило труды и заслуги М. А. Новоселова. В 1912 году он был избран почетным членом Московской духовной академии. Несколько лет Новоселов был членом Училищного совета при Святейшем Синоде.

Новоселову доводилось участвовать в церковно-общественных событиях, имевших всероссийский резонанс. Уже в самом начале своей деятельности на церковной ниве он стал участником петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903), где занял строго церковные позиции. На доклад Новоселова «О браке и безбрачии» Д. С. Мережковский откликнулся фразой «Скучно слушать проповеди».

Как недавно стало известно, сам император Николай II явился инициатором созыва Поместного Собора¹. Семнадцатого марта 1905 года Синод постановил ходатайствовать перед Государем о созыве весной того же года Всероссийского Собора для избрания Патриарха. Местом созыва предполагался Санкт-Петербург, вероятным кандидатом на патриаршество — митрополит Петербургский Антоний (Вадковский, † 1912), первенствующий член Святейшего Синода. Двадцать

*Михаил Новоселов
(слева) и отец
Павел Флоренский
(справа)*

третьего марта 1905 года в Москве состоялось собрание частного «Кружка православных ревнителей Церкви, клириков и мирян». Присутствовало около 60 человек. Новоселов прочитал доклад «О воссоздании живой церковности в России». В соответствии с ходившими в Москве толками о маневрах петербургской церковной бюрократии с целью захватить в свои руки дело церковной реформы и обратить ее в свою пользу, Новоселов призывал замедлить ход изменений. Выборы Патриарха «в текущую сессию Синода» он назвал абсурдом: для начала новой церковной жизни требуется пересмотреть множество неправильных узаконений, накопившихся за «200 лет синодального строя». Новоселов предложил ходатайствовать перед царем об организации опроса епископов о желательных реформах церковной жизни, а сами реформы отложить до окончания войны с Японией. Тридцать первого марта 1905 года император Николай II наложил на ходатайстве Синода резолюцию: «Предоставляю Себе, когда наступит благоприятное для сего время, по древним примерам православных Императоров, дать сему великому делу движение и созвать собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления». Вскоре последовал императорский указ, повелевающий архиереям дать к 1 декабря 1905 года подробные ответы по всем вопросам будущего церковного переустройства (в 1906 году эти ответы были напечатаны в трех томах). В статье «Голос ми-

рянина» Новоселов благодарил царя за «избытие беды скороспелых решений» и предлагал учредить «Соборное подготовительное совещание». Здесь же были новые резкие нападки на синодальную бюрократию: «Не дадим... косным защитникам существующего церковного порядка, сторонникам взгляда, что все обстоит благополучно, смешивающим живое и живительное благоустройство Церкви с мертвым благообразием кладбища... не дадим им ослабить и затормозить исполнение надежд наших! ... Не допустим под предлогом и прикрытием Царского отказа Святейшему Синоду в немедленном созвании Поместного Собора — похоронить в старом бюрократическом сундуке Царскую волю о необходимости преобразования Церкви!» Надо сказать по совести, что приведенные высказывания производят двойственное впечатление. Горячая любовь к Церкви, искреннее желание благого Ее обновления сочетаются здесь с настороженным, предвзято критическим, почти неприязненным отношением к высшей ее иерархии — Святейшему Синоду. Все, что мы теперь знаем о тогдашнем Синоде и о его членах в отдельности, заставляет признать такое отношение несправедливым.

Святейший Синод учредил, при Высочайшем утверждении, Предсоборное Присутствие 1906 года и затем Предсоборное Совещание 1912–1917 годов; их труды легли в основу постановлений Поместного Собора 1917–1918 годов. Конечно, никто не внял пожеланиям Новоселова, чтобы в этих совещаниях было поменьше епископов и чтобы архиереи были не высокопоставленными.

Проникнутость русского общества революцией ужасала Новоселова. Через несколько дней после Манифеста 17 октября 1905 года он пишет в письме: «“Свобода” создала такой гнет, какой переживался разве в период татарщины. А главное, ложь так опутала всю Россию, что не видишь ни в чем просвета. Пресса ведет себя так, что заслуживает розог, чтобы не сказать — гильотины. Обман, наглость, безумие — все смешалось в удушающем хаосе»². В этих условиях Новоселов, отличавшийся деятельным характером, не ограничиваясь своей уже налаженной издательской деятельностью, ищет возможности влиять на человеческие ду-

ши в личном общении. Он участвует в собраниях Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева (1905–1918). Но общий дух этого общества был ему чужд. Это тот же дух «нового религиозного сознания», которым были одержимы многие участники петербургских религиозно-философских собраний, закончившихся в 1903 году. Вокруг Новоселова собралось другое общество, в 1907 году названное «Кружком ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви». В него вошли друзья Новоселова протоиерей Иосиф Фудель, священник Павел Флоренский, Ф. Д. Самарин, В. А. Кожевников, С. Н. Булгаков (священник с 1918), П. Б. и С. Б. Мансуровы, Н. Д. Кузнецов, Ф. К. Андреев и др. Кружок имел как бы филиал, где студенты изучали Новый Завет. Собрания кружка проходили в доме Ковригиной напротив Храма Христа Спасителя, где в квартире № 12 жил Новоселов с матерью Капитолиной Михайловной. Когда должен был читаться доклад, на который по объявлению могло прийти столько народу, что квартира Новоселова всех бы не вместила, чтение устраивали в особняке члена кружка доктора Корнилова на Нижней Кисловке, где могло вместиться и 100 человек. Кружок жил под покровительством ректора Московской духовной академии епископа Феодора (Поздеевского, † 1937), человека монашеско-аскетического духа, и под духовным окормлением старцев Зосимовой пустыни. Н. А. Бердяев, по духу весьма далекий от Новоселова, говорит о нем с симпатией: «...Очень верующий, безгранично преданный своей идее, очень активный, даже хлопотливый, очень участливый к людям, всегда готовый помочь, особенно духовно. Он всех хотел обращаться. Он производил впечатление монаха в тайном постриге. <...> Православие М. Новоселова было консервативное, с сильным монашеско-аскетическим уклоном. Но вместе с тем у него не было того клерикализма и поклонения авторитету иерархии, которые характерны для правых течений русской эмиграции. Он признавал лишь авторитет старцев, т. е. людей духовных даров и духовного опыта...»³ Хотелось бы привести и отзыв о Новоселове другого участника религиозных споров того времени, еще более далекого от него, чем

Бердяев, — В. В. Розанова: «Суть связи этого кружка — личная и нравственная; высшее его качество — не выявляться, не спорить; печататься как можно меньше. Но взамен этого — чаще видется, общается; жить некоторою общею жизнью, или — почти общею. Без всяких условий и уговоров они называют почти старейшего между ними, М. А. Новоселова, “авва Михаил”. И хотя некоторые из них неизмеримо превосходят почтенного и милого М. А. Новоселова ученостью и вообще “умными качествами”, но тем не менее чтут его “яко отца” за ясный, добрый характер, за чистоту души и намерений и не только выслушивают его, но и почти слушаются его»⁴.

Самое громкое общественное выступление Новоселова связано с делом епископа Гермогена (Ермогена Долганёва, † 1918) и иеромонаха Илиодора (Труфанова, † 1952): в 1911 году они пытались силой воздействовать на Г. Е. Распутина, чтобы он прекратил посещать царскую семью. Произошла безобразная потасовка, когда Илиодор и несколько его друзей сцепились с Распутиным, а епископ в епитрахили и с крестом в руке громко проклинал Распутина, который вырвался и убежал. После этого епископ и иеромонах стали посылать государю одну за другой телеграммы, где умоляли его не принимать Распутина. Об Илиодоре много говорить не приходится, он очень скоро отказался от сана и отрекся от веры, а при большевиках активно участвовал в разрушении Церкви. Совсем другим был епископ Саратовский Гермоген: человек искренний и чистый, он впоследствии, уже после революции, заняв Тобольскую кафедру, пытался поддержать сосланную в Тобольск царскую семью и был зверски убит большевиками. Ныне он прославлен как священномученик. Но в 1911 году он повел себя некорректно. Когда государь повелел ему вернуться в Саратов, он не повиновался и был сослан в Жировицкий монастырь. Чтобы удостовериться в том, что Святейший Синод имел все основания уволить епископа Гермогена на покой, достаточно прочесть статью о нем в «Православной энциклопедии»⁵ или страничку мемуаров митрополита Евлогия (Георгиевского) «Путь моей жизни»⁶. Новоселов еще в 1910 году напечатал в газете «Московские ведомости» две статьи против Распутина.

Уже здесь иерархия обвинялась в «позорном и преступном» малодушии. Двадцать четвертого января 1912 года в той же газете появилась петиция Святейшему Синоду в защиту епископа Гермогена за подписью Новоселова и некоторых других членов его кружка. Единственной причиной его ссылки здесь объявлялась борьба против Распутина. В тот же день в газете «Голос Москвы» была напечатана статья Новоселова против Распутина. Все эти статьи Новоселов объединил в сборник «Григорий Распутин и мистическое распутство» (М., 1912). Тираж сборника, так же как и тираж номера «Голоса Москвы» за 24.01.1912, был арестован. Уже 25 января этот эпизод обсуждался на вечернем заседании Государственной думы. Синод разъяснил вину епископа Гермогена и правомерность его увольнения, отрицая всякую связь этого дела с Распутиным. Новоселов смело выдвигал против Распутина обвинения, которые он не доказал и никак не мог доказать, если только не верить таким разоблачившим себя свидетелям, как Илиодор. Но нас сейчас интересует не сибирский странник, который еще ждет объективного исследователя. Нам интереснее отношение Новоселова к священноначалию, которое он запальчиво обвиняет: «Почему молчат епископы, которым хорошо известна деятельность наглого обманщика и растлителя? Где его святейшество [Святейший Синод], если он по нерадению или малодушеству не блюдет чистоты веры Церкви Божией?» Такие обвинения не только несправедливы. Они непосредственно наносили удар по авторитету Церкви как таковой, а в более широком плане революционизировали страну.

Новоселовский кружок стал одним из средоточий спора об имяславии, охватившего не только Россию, но и другие православные страны. Здесь мы не будем говорить об этом споре подробно. Можно сослаться на весьма содержательное исследование епископа (ныне митрополита) Илариона (Алфеева) «Священная тайна Церкви» (Т. 1–2. СПб., 2002). У истоков движения имяславия была популярная книга схимонаха Илариона (Домрачева; ок. 1845 – 1916) «На горах Кавказа». Первое ее издание вышло в 1907 году по благословению оптинского старца преподобного Варсонофия иждивением преподобномученицы великой

княгини Елисаветы Феодоровны. Книга переиздавалась большими тиражами и нашла благодарных читателей прежде всего в среде российского и афонского монашества: главной ее темой была молитва Иисусова. Третье издание книги сделала Киево-Печерская лавра. Споры об имяславии были спровоцированы архиепископом Антонием (Храповицким, † 1936), инициировавшим полемическую кампанию против книги схимонаха Илариона. Сам архиепископ Антоний, хотя и не читал книги, обрушился на нее с грубой бранью, называя почитание имени Божия «хлыстовством». Спор об имяславии принял самые резкие формы в русских обителях на Афоне. Это оказалось на руку греческим националистам, давно обеспокоенным ростом на Афоне русского монашества: в начале XX века оно составляло абсолютное большинство и продолжало расти относительно количества монахов других народов, остававшихся на Афоне в прежнем числе. Константинопольская Патриархия и петербургский Святейший Синод осудили имяславие. Член Синода и Государственного Совета архиепископ Никон (Рождественский, † 1919) возглавил военно-морскую экспедицию на Афон, когда русские моряки арестовали и вывезли в Россию много сотен русских монахов, чем было положено начало упадку русского Афона. Но в России многие выступили в защиту имяславия и имяславцев. Прежде всего, не было единства и в самом Синоде. Его постоянные члены митрополит Московский святитель Макарий и митрополит Киевский Флавиан († 1915) благоволили к имяславцам. Их поддержала царская семья. В поддержку имяславия выступили близкие друзья Новоселова священник П. Флоренский и С. Н. Булгаков, а также философ В. Ф. Эрн. После революции к имяславью примкнули философ А. Ф. Лосев, митрополит Вениамин (Федченков, † 1961). Проблему имяславия планировал рассмотреть Поместный Собор 1917–1918 годов, но из-за гонений был вынужден прекратить свою работу, не завершив намеченного. В Рождественском послании начала 1921 года святой Патриарх Тихон напоминал, что Синодальное определение 1914 года передало дело имяславцев на рассмотрение Поместного Собора, «от которого и зависит разрешение

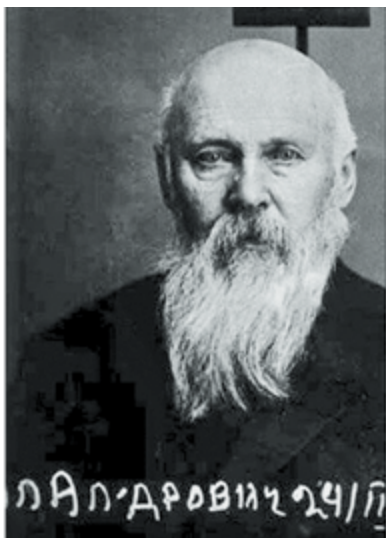
всего дела по существу»⁷. Поскольку уже бывший Собор этого не успел, Патриарх указывает на это как на задачу будущего Собора. Новоселов всей душой был на стороне имяславия. Предоставляя богословскую разработку темы своим друзьям, и прежде всего отцу Павлу Флоренскому, он активно участвовал в деле как издатель. В 1913 году как одно из «изданий “Религиозно-философской библиотеки”» вышла «Апология веры во Имя Божие и во Имя Иисус» Иеросхимонаха > Антония (Булатовича) — главного афонского защитника имяславия. Священник П. Флоренский, который был в ужасе от богословского сумбура отца Антония, в сложных условиях (спешка и трудности общения с автором) сделал что мог для редактирования книги и написал к ней анонимное предисловие, в которое включил отзыв на книгу схимонаха Илариона и «Апологию» иеросхимонаха Антония профессора Нового Завета в МДА М. Д. Муретова, не указывая автора. Сей последний особенно суров в осуждении «имяборцев»: «Истинное христианство и Церковь всегда стояли на почве идеализма в решении всех возникающих вопросов — вероучения и жизни. Напротив, псевдо- и антихристианство и инославие всегда держались номинализма и рационализма. Грани истории номинализма: софисты и т. д. до Ницше. Это в философии, — а в Церкви: распявшие Христа архиереи, евионеи, Арий и т. д. до Варлаама и графа Толстого. Грани истории реализма: Сократ с Платоном... до Гегеля с его правою школою и Достоевского — в философии и художественной литературе, — а в Церкви: Евангелие, ап. Павел и т. д. до Паламы и о. Ивана [Кронштадтского]. Идеализм и реализм лежат в основе учения о единосущности и троичности Божества, о богочеловечестве Спасителя, о Церкви, таинствах, особенно Евхаристии, иконопочитании и т. д...»⁸ В этой простой генеалогии противники имяславия оказываются на одной линии с софистами, Арием, Л. Толстым и Ницше, в то время как имяславцы исповедуют веру евангельскую, апостольскую, Вселенских Соборов и святителя Григория Паламы.

Далеко не все видели важность вставшей перед церковным сознанием проблемы имени Божия. Новоселов же стал участником

еще одного — несомненно общезначимого — богословского спора, касающегося Святой Евхаристии. Священник П. Флоренский издал статью «Около Хомякова» (Сергиев Посад, 1916) — серьезный критический разбор богословия Хомякова. Новоселову это было горестно: А. С. Хомяков занимал центральное место среди тех, кого он мог считать своими учителями. Но то же можно сказать и об отце Павле Флоренском. Вл. Соловьев, которого Новоселов весьма чтит, тоже вырос из хомяковского славянофильства, но в своем внутреннем развитии преодолел его. Новоселов знал, что близкий ему профессор С. Н. Булгаков также отходит от Хомякова. В 1909 году Булгаков писал Новоселову: «...честная немецкая историческая наука в своих чисто научных трудах и изысканиях внутренне ближе к Православии, нежели конфессиональное и интеллигентское самомнение Хомякова; как я ни ценю этого мыслителя, но ведь это не святоотеческое опытное свидетельство, а умовое»⁹. Соловьев отошел от Хомякова ради православно-католического универсализма. Булгаков морально предпочитает работу протестантов с конкретным историко-филологическим материалом (речь идет о библеистике) хомяковским широковещательным и необоснованным обобщениям. В чем критикует Хомякова отец Павел Флоренский? Назовем только два пункта, которые вызвали самую сильную реакцию. Отец Павел в наиболее трагический момент русской истории берет под защиту самодержавие. Для

Философ Сергей Булгаков (слева), семинарист Павел Флоренский (в центре) и Михаил Новоселов (справа). Предположительно 1907–1913 гг.

М. А. Новоселов.
Тюремное фото
1929 г.

Хомякова царское самодержавие зиждется на своего рода «общественном договоре», о котором говорили некоторые политические философы XVIII века. Для отца Павла Флоренского русский народ призвал на царство Михаила Феодоровича не в силу «договора», но потому, что узрел в нем избранника Божия. Н. А. Бердяев написал злобную, пересыпанную ругательствами рецензию на статью отца Павла: «Отец П. Флоренский, вероятно, не сознает, как страшно ответственны эти мысли в тот исторический час, который переживает Россия»¹⁰. Увы, именно он и сознавал, в отличие от бердяевых и милюковых. Но не здесь расхождение Флоренского с Новоселовым. В споре отца Павла с Хомяковым о самодержавии Новоселов, скорее всего, поддержал бы Хомякова, но на отца Павла несколько бы не обиделся. Гораздо важнее другой пункт — учение о Евхаристии. В частности, отец Павел останавливается на трактовке у Хомякова пресуществления. В 1840-х Хомяков писал, что Церковь «не отвергает и слова “пресуществление”, но не приписывает ему того вещественного смысла, который приписан ему учителями падших церквей». В 1855 году он пишет: «...тот, кто видит в Евхаристии одно лишь воспоминание, равно как и тот, кто настаивает на слове “пресуществление” или заменяет его словом “существление” [лютеранство]; другими словами, и тот, кто, так сказать, выпаривает таинство, и тот, кто обращает его в чудо чисто вещественное, — одинаково бесчестят Святую Вечерю, приступая к ней с вопросами атомистической химии». Отец Павел Флоренский, указывая на

несовместимость «не отвергать» и «не настаивать», говорит, что перед лицом различных протестантских лжеучений о Евхаристии как раз необходимо настаивать на пресуществлении. Отец Павел здесь опирается на «Исповедание» Патриарха Иерусалимского Досифея, принятое Иерусалимским Собором 1672 года с участием русских представителей, затем Константинопольским Собором восточных Патриархов 1723 года: «...словом “пресуществление” не объясняется образ, которым хлеб и вино претворяются в Тело и Кровь Господню, ибо сего нельзя постичь никому, кроме Самого Бога, и усилия желающих постичь сие могут быть следствием только безумия и нечестия; но показывается только то, что хлеб и вино по освящении прелагаются в Тело и Кровь Господню не образно, не символически, не преизбытком благодати, не сообщением или наитием единой Божественности Единородного; и не случайная какая-либо принадлежность (акциденция) хлеба и вина прелагается в случайную принадлежность (акциденцию) Тела и Крови Христовой каким-либо изменением или смешением, но, как выше сказано, истинно, действительно и существенно хлеб бывает [= становится] самым истинным Телом Господним, а вино самою Кровью Господнею»¹¹. Хомяков говорит о пресуществлении: «...в Литургии нет этого слова». Флоренский возражает на это тем, что святоотеческое богословие построено на терминах, заимствованных из языческой философии, и сам Символ веры невозможен без слова «единосущный», о котором противники Символа говорили, что в Священном Писании этого слова нет. Церковное богословие заимствовало даже такие термины, которые в употреблении у еретиков имели неправославный смысл.

Эта критика наносила болезненный удар по авторитету Хомякова как «учителя Церкви» (слова Ю. Ф. Самарина). Самым печальным было то, что, как казалось, отец Павел Флоренский уступает католичеству, хотя о пресуществлении учит и «Пространный христианский катехизис Православных кафедральных восточных Церквей», одобренный Святейшим Синодом и составленный святителем Филаретом Московским.

Как вспоминал С. И. Фудель, после выхода книги о Хомякове «М. А. Новоселов сейчас же поехал к [отцу Павлу Флоренскому] в [Серги-

ев] Посад и потом рассказывал моему отцу, что он чуть ли не всю ночь с ним спорил и доказывал ему его “римско-магический” уклон. И вот, говорил Михаил Александрович, в конце концов отец Павел поник головой и согласился и при этом сказал: “Я больше не буду заниматься богословием”¹². Этот рассказ нельзя считать вполне достоверным. Это не прямое свидетельство: Новоселов рассказал протоиерею И. Фуделю, а тот — своему 16-летнему сыну Сергею. «Римско-магический» выглядит как интерпретация самого С. И. Фуделя. Крайне интересно, в чем именно «согласился» отец Павел с Новоселовым. Интересен и модус обязательства отказа от богословия, если только это обязательство действительно имело место. В таком случае оно могло звучать иронически: и Новоселов, и весь его круг нуждались в богослове Флоренском, хотя бы для обоснования имяславия. Вспоминается в этой связи и пассаж из письма Новоселова Ф. Д. Самарину о Флоренском в момент его переутонченности подготовкой диссертации (1912): «...он настроен пессимистически и скептически к научным занятиям и становится так близок ко мне по обскурантности, что я пугаюсь. Ибо для меня исповедание “научного” обскурантизма и нетрудно, и безвредно, и, полагаю, довольно безгрешно. Ну а относительно о. Павла дело обстоит совершенно иначе, и когда он серьезно и несколько печально начинает уверять, что я прав и что он все больше соглашается со мной, мне становится жутко, и я готов возражать ему»¹³. Впрочем, мы имеем и другое свидетельство того же С. И. Фуделя о споре Новоселова с Флоренским о книжке «Около Хомякова»: «Михаил Александрович, которого о. Павел очень ценил, был крайне огорчен, так же как и мой отец и другие друзья Флоренского, этим его откудато появившимся “римским уклоном”. В его статье даже о непогрешимости папской было сказано, что она “не нелепа”, то есть, значит, “лепа”... под конец о. Павел согласился, что так писать было нельзя, что он ошибся...»¹⁴ Здесь нет упоминания «магизма» и из обсуждавшихся тем затронут только догмат о папе. Фудель сознательно игнорирует стилистическую разницу между «лепо» и «не нелепо», игнорирует и мысль отца Павла, который вовсе

не защищает папскую безошибочность, но всего лишь указывает на ее логичность в общей системе католической догматики и каноники. «Так писать было нельзя» двусмысленно: так говорят о заблуждении, но так говорят и об ошибочном тактическом шаге (не подумали о малых сих, ввели в соблазн и т. п.). А вот свидетельство самого С. И. Фуделя как очевидца и собеседника: «Помню, я с отцом был у М. А. Новоселова, в его квартире на углу Обыденского переулка. <...> У него была там зала с большими портретами Хомякова, Достоевского и В. Соловьева, с длинным столом для занятий его религиозно-философского кружка, его кабинет с образом св. Иоанна Лествичника и третья маленькая комната — столовая, где мы и сидели за чаем... И вот он, человек очень сердечный и при этом любящий о. Павла, работающий с ним вместе по защите имяславия от нападения Синода, вдруг начал высказывать сомнение в церковной ценности его работ. Мне было 17 лет, я молчал, но вдруг волнение буквально толкнуло меня в разговор: “Как вы можете так говорить! О. Павел открыл нам Церковь”. Я помню ободряющие глаза моего отца и — сначала удивление, затем смущенную улыбку и наконец явное одобрение и на лице Новоселова, точно он только и ждал этого моего молодого протеста»¹⁵. «Сомнение в церковной ценности» — конечно, результат книги о Хомякове. Но это сомнение соединяется с сознанием высокой полезности трудов отца Павла (в конце концов, и Вл. Соловьев признавался весьма полезным, невзирая на его католические увлечения) и не мешает многого ждать от трудов, которые отец Павел может написать в будущем.

Революция 1917 года стала рубежом нормальной жизни всей России. При большевиках Церковь потеряла свободу, потеряла все права, все школы, всякую возможность издательской деятельности. Жертвы террора были неисчислимы. Многие, чтобы сохранить свободу и жизнь, уходили в подполье. О многих невозможно собрать достоверных сведений. В таких условиях легко создавались легенды о выдающихся людях, и это творение легенд продолжалось долго. Уже на нашей памяти, в 1990-е годы, недобросовестные люди пустили слухи, что М. А. Новоселов в начале

1920-х годов принял монашество с именем Марк и был хиротонисан во епископа и затем возглавлял некий «кочующий собор». Этот «собор» понадобился мифотворцам для ретроспективного осуждения «сергианства». Никаких документальных подтверждений этих сказаний обнаружено не было.

Двадцать второго марта 1918 года секретарь Поместного Собора В. П. Шеин (преподобномученик Сергей, † 1922) пригласил Новоселова в соборный отдел по духовным учебным заведениям для участия в разработке проекта пастырских училищ.

Тридцатого января 1918 года Новоселов был избран в исполнительное бюро Временного совета объединенных приходов г. Москвы. Председателем совета стал А. Д. Самарин (05.07–26.09.1915 — обер-прокурор Святейшего Синода). Совет сразу же напечатал воззвание о том, как сопротивляться представителям власти при попытках захвата церковного имущества. Предлагалось созывать прихожан звоном в набат, а для того, чтобы собрать внушительную толпу протестующих, звонить также в соседних приходах. Безусловно, недопустимо «прибегать к силе оружия». Конечно, Совет приходов был тут же разогнан.

Новоселов предоставил свою квартиру для занятий Богословских курсов, по благословению Патриарха Тихона начавших свою работу весной 1918 года. В преподавании участвовал и сам Новоселов. После этих двухмесячных курсов предполагалось открыть курсы в январе 1919 года.

При появлении обновленческого раскола Новоселов вступил в энергичную борьбу с новым врагом Церкви, участвуя в составлении листовок, адресованных верующему народу (печатание их становилось все более трудным). В ночь на 12 июля 1922 года в квартире его был устроен обыск. Сам Новоселов был в это время в Оптиной пустыни. Ничего компрометирующего чекисты не нашли, дело через некоторое время закрыли, но Новоселов решил перейти на нелегальное положение, скрываясь у друзей. Осмысляя современные церковные проблемы, углубляясь в истины веры, всей душой желая помочь братьям на путях духовной жизни в труднейших условиях кровавых гонений, Новоселов создает в 1922–1927 годах самое значительное свое творение — «Письма к друзьям». В марте 1929 года мученик Михаил арестован как один из идеологов и организаторов движения «непоминающих» и осужден на три года заключения, которые как лицо особо опасное отбывал в Ярославском политическом изоляторе. Тринадцатого сентября 1931 года Михаил Александрович осужден на 8 лет по делу «церковно-монархической организации»: в головах чекистов «организации» появлялись одна за другой для расправы с возможно большим числом людей. Седьмого февраля 1937 года мученик Михаил осужден за контрреволюционную активность на три года. Двадцать девятого июня 1937 года его привезли в вологодскую тюрьму. Семнадцатого января 1938 года мученик Михаил приговорен к расстрелу.

Благоговейно склоняясь перед подвигом новомучеников, наше поколение русских христиан назидается свидетельствами о их жизни и их собственными творениями. Думается, что нам не хватает полного собрания сочинений и писем святого мученика Михаила. Это мог бы быть один большой том. Читая его «Письма к друзьям», мы как бы вступаем с ним в беседу. Это удивительно мягкий и краткий собесед-

ник. Он не обидится, если мы в чем-то с ним не согласимся. Иногда мы подумаем, что он недооценивает иерархию. Стихийное «народничество» ранних славянофилов превознесло формулу восточных Патриархов в Послании 1848 года: «У нас ни Патриархи, ни Соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия у нас есть самое тело Церкви, т. е. самый народ». Эти слова двусмысленны. Можно понимать народ и тело Церкви как совокупность мирян, монахов и клира. А можно видеть в народе (греч. *лаос*) одних только лаиков, мирян, которые на самом деле — только часть «тела Церкви». Это второе понимание ведет к принижению клира, иерархии. М. А. Новоселов доказывал, что зилоты, ревнители канонической акривии, имеют право противостоять православным Патриархам, как преподобный Феодор Студит противостоял святителю Тарасию и затем святителю Никифору. И преподобный Феодор, и автор его пространного жития, на которых ссылается Новоселов, пристрастны как представители одной из спорящих сторон. Но о событиях царствований святой Ирины, восстановительницы иконопочитания, и ее сына Константина VI мы имеем и другого свидетеля — преподобного Феофана Исповедника. Преподобный Феодор говорит о матери и сыне как о невинной жертве и разнузданном тиране. Преподобный Феофан говорит, что злая сила настраивала их друг против друга. Первый обличает незаконный второй брак императора. Второй сообщает, что первый его брак был заключен по принуждению матери, которая потом сама же пыталась разрушить этот брак. Первый упоминает об ослеплении Константина VI заговорщиками, второй уточняет, что это произошло по воле матери. Излагая эти известные события, Новоселов оставляет последнее слово за преподобным Феодором. На самом же деле последнее слово было сказано

Церковью уже после Торжества Православия. В Синодике Православия читаем: «Всё, против святых Патриархов Германа, Тарасия, Никифора и Мефодия, Игнатия, Фотия, Никифора, Антония и Николая написанное или сказанное — анафема трижды». Это и есть официальная церковная оценка дерзновенных и смелых выступлений зилотов против названных Патриархов, осуждающая не личности преподобного Феодора и других, но лишь определенный срез их творений и деяний.

Хотелось бы завершить мыслью святого мученика Михаила, которая так хорошо выражает его жизнь и сокровище его души. В жизни Церкви чередуются периоды гонений, мученичества и периоды подвижничества. Как только прошли три века гонений, начался расцвет монашества. Причем это не «цветение монастырей», но нечто большее: все общество живет идеалами подвига, и миряне осуществляют в своей жизни эти идеалы в меру возможности. Как сказал один русский писатель, мир превращается в монастырь, но менее строгого устава. Но когда дух подвига ослабевает, уходит из жизни большинства, тогда спасительный Промысл Божий посылает новую волну гонений. Вся жизнь святого мученика Михаила была подвигом. Даже когда буря юности унесла его далеко от Церкви, он шел узким подвижническим путем. Когда он вновь обрел бесценное сокровище, он не мог не благовествовать. И когда начались гонения, он продолжал возвещать Христа даже в узах. Протоиерей С. Булгаков получил письмо от турка, обращенного в веру Христову в тюрьме проповедью святого Михаила: «Хочу вас уверить, что как вы его видели или оставили последний раз, он так и остался глубоко верующим. В тюрьме многие звали его богословом, но он не хотел, чтобы его так звали. Он и не был священником. Авва говорил, что он православный христианин!»

¹ Письмо К. П. Победоносцеву от 23.IX.1904 // ПСТБИ Богословский сборник. Вып. 2. М., 1999. С. 69–70.

² Новоселов М. А. Письма к друзьям. М., 1994. С. XXI.

³ Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). Париж, 1949. С. 200–201.

⁴ Полищук Е. С. [Предисловие] // Новоселов М. А. Письма к друзьям. М., 1994. С. XXVI.

⁵ Православная энциклопедия. Т. 18. М., 2008. С. 654–658.

⁶ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 198–199.

⁷ Цит. по: Иларион (Алфеев), еп. Священная тайна Церкви. Т. 2. СПб., 2002. С. 111.

⁸ Флоренский П. А. Сочинения. Т. 3 (1). М., 1999. С. 292.

⁹ Письма Михаила Новоселова Ф. Д. Самарину // Богословские труды. Вып. 45. М., 2013. С. 456.

¹⁰ Бердяев Н. А. Собрание сочинений. Т. 3: Типы религиозной мысли в России. Париж, 1989. С. 575.

¹¹ Флоренский Павел, свящ. Сочинения. Т. 2. М., 1996. С. 300–302.

¹² Фудель С. И. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. М., 2005. С. 337.

¹³ Богословские труды. Вып. 45. ИМП. С. 465.

¹⁴ Фудель С. И. Собрание сочинений. Т. 3. С. 244.

¹⁵ Там же. С. 290–291.